

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УГОРСКОГО НАЗВАНИЯ ЛОШАДИ

Прауг. **low*/**luw* 'лошадь' > венг. *ló* (акк. *lovat*, диал. *lo, lú, lu*) 'лошадь'; мансЮ *low*, В *lo*, С *luw*; хантЮ *täw*, С *law*, В *lõу* то же (UEW 863—864) не имеет внятных параллелей в других уральских языках, однако его трудно не сопоставить с древнетюрк. *ulay* 'вьючное животное, лошадь, ямской транспорт' (ДТС 608; Räsänen 1969 : 512) (ср. также — возможно, из тюркских: монг. *ulaya* 'ямская подменная лошадь', маньчж. *ulha* то же, не исключено, впрочем, что значение 'ямской транспорт' не связано напрямую с корнем **ulay* 'вьючное животное, лошадь', а представляет собой семантический дериват от тюрк. **ula-γ* 'соединение, связь' < тюрк. **ula* 'связывать, соединять' (Sinor 1967 : 313—315)). В том случае, если за приведенным сопоставлением действительно стоит общая история угорского и тюрко(—монгольского) слов, угорское слово не может быть тюркским заимствованием (вопреки М. Рясанену — см. Räsänen 1969 : 512): тогда следовало бы ожидать сохранения тюрк. **u-* в угорском (UEW 863), обратное же направление заимствования вполне допустимо (с нормальной тюркско-монгольской протезой **u-* перед исконным начальным **l-* и с суффиксацией на **-γ*), равно как и независимое заимствование из общего источника (UEW 863; Sinor 1967 : 315). В последнем случае в языке-источнике можно предположить праформу **low*/**law* 'лошадь'.

В тохарских языках имеется слово тох.А *lu* (основа косвенных падежей *lwe-/lwa-*), тох.В *luwo*, имевшее в известных нам текстах значение 'зверь, животное' (Van Windekens 1976 : 267). Существует, по-видимому, три возможные этимологии этого слова: 1) праиндоевр. **luγ-os* 'вошь (*зверь?)' с предполагаемым сохранением исконного значения в тохарском и переходом его в 'вошь' в других (кельтских и германских) языках (IEW 692), что представляется довольно-таки маловероятным; 2) праиндоевр. **ley-* 'лев' (при этом, однако, в тохарских текстах для обозначения льва употребляется особое слово — тох.А *šišäk*, тох.В *šecake* 'лев') (Иванов, Гамкрелидзе 1984 : 510); 3) праиндоевр. **l(ə)ya* 'добыча' с развитием семантики 'добыча' > 'дичь' > 'зверь' (Van Windekens 1976 : 268).

Восстановленная выше общая праформа для угорского и тюркского слов может служить косвенным свидетельством в пользу последней этимологии тохарского слова: развитие значения 'добыча' > 'скот' в связи с общим семантическим полем 'скот — имущество, богатство — добыча' (Иванов, Гамкрелидзе 1984 : 579) в индоевропейских языках выглядит совершенно естественно (ср., напр., чеш. *dobytek* 'скот'). Можно, таким образом, предположить,

что пратох. **l(ə)wa* имело основное («этимологическое») значение 'добыча' с вторичным развитием > 'скот' (любой, в том числе вьючный и, в частности, лошадь), не представленным в известных нам тохарских текстах, но отразившимся в праугорском и тюркском словах, приведенных выше, и с другим, возможно, более поздним, сохраненным непосредственно в тохарских текстах развитием 'добыча' > 'дичь' > 'зверь, животное'.

Таким образом, прауг. **low* 'лошадь' и тюрк. **ulay* 'вьючное животное, лошадь' могут рассматриваться как заимствования из пратох. **l(ə)wa* 'добыча; скот' (> тох. *lu/luwo* 'зверь').

Предположение о тохарском происхождении данного термина в угорских и тюркских языках согласуется с данными о наличии в этих языках целого комплекса культурно значимых слов, заимствованных из тохарского источника (Róna-Tas 1986 : 69—74; Напольских 1994). Угорское название лошади таким образом можно рассматривать как один из культурных терминов, заимствованных в уральские языки таежной зоны Восточной Европы и Западной Сибири в период после распада финно-пермской праязыковой общности и до распада угорского праязыка, т.е., по самым осторожным прикидкам, в первой половине II — первой половине I тыс. до н.э., — из близкого пратохарскому индоевропейского языка. В качестве возможного исторического объяснения этих заимствований мною высказано предположение о принадлежности языка создателей памятников сейминско-турбинского типа середины II тыс. до н.э. к тохарской группе (Напольских 1989; 1994 : 39). Наличие домашней лошади в культуре сейминско-турбинских групп документируется археологическими памятниками (Черных, Кузьминых 1989 : 118—119).

Генезис тохароязычного компонента в составе культуры сейминце-турбинцев можно связывать с участием в ее формировании групп металлургов и коневодов (очевидно, европеоидов по своему расовому типу), населявших в первой половине II тыс. до н.э. лесостепи и предгорные области юга Средней Сибири и Алтая (Черных, Кузьминых 1989 : 270) — по-видимому, потомков создателей афанасьевской культуры III тыс. до н.э. Именно с афанасьевской культурой, которая представляла собой «крайний восточный форпост» древнеямной общности (Семенов 1993 : 26) и финал которой (конец III — начало II тыс. до н.э.) ознаменован, во-первых, участием ее носителей в формировании окуневской культуры Саяно-Алтайского нагорья и, во-вторых, проникновением их на территории современных Тувы, Монголии, Северо-Западного Китая (Семенов 1993 : 28), можно связывать истоки формирования фиксированного по китайским источникам ареала распространения групп (*юэчжи* и др.), говорящих на близких тохарским языках (см. Pulleyblank 1966 : 16—22). Из языка (языков) расселившихся в Центральной Азии потомков афанасьевцев тохарские (точнее было бы называть их квази- или прототохарскими) заимствования культурной лексики (числительные, 'лошадь', 'мед', 'бык' и т.д.) проникли в тюркские и в сино-тибетские языки (Róna-Tas 1986 : 69—74; Pulleyblank 1966 : 11), а из языка потомков афанасьевцев, участвовавших в сложении сейминско-турбинских групп, те же и некоторые другие культурные термины могли попасть в уральские языки, распространенные в лесной зоне Евразии от Обско-Енисейского междуречья до Верхней Волги.

Сокращения

ДТС — Древнетюркский словарь, Ленинград 1969; IEW — J. P o k o r n y, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern—Wien 1959.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. В. 1984, Индоевропейский язык и индоевропейцы I—II, Тбилиси.
- Напольских В. В. 1989, Исторические импликации двух уральских этимологий. — СФУ XXV, 81—83.
- — 1994, О времени и исторических условиях урало-тохарских контактов. — JSFOu 85, 37—39.
- Семенов В. А. 1993, Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) — Петербургский археологический вестник 4, Санкт-Петербург.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. 1989, Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен), Москва.
- Pulleblank, E. G. 1966, Chinese and Indo-Europeans. — Journal of Royal Asiatic Society, London.
- Räsänen, M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen, Helsinki.
- Рона-Тас, А. 1986, Tocharische elemente in den altaischen Sprachen, Szeged (Studia Uralo-Altica 25).
- Sinor, D. 1967, Notes on the Equine Terminology of the Altaic Peoples. — Central Asiatic Journal 10, Bloomington.
- Van Windekens, A. J. 1976, Le tocharien confronté avec les autres langues indo-européennes, Vol. 1. La phonétique et la vocabulaire, Louvain.

V. V. NAPOLSKICH (Iževsk)

ORIGIN OF THE UGRIC WORD FOR HORSE

The Proto-Ugric **low/*luw* 'horse' and the Ancient Turkic *ulay* 'horse, beast of burden; coach service' are considered as independent borrowings from Proto-Tokharian **(ə)wa* (< PIE **(ə)ua* 'capture, game') 'cattle' preserved in Tokharian as *lu/luwo* 'beast, animal'. The borrowing is explained as a result of cultural influence of the descendants of the Afanasjevo people (= Proto-Tokharians) on the ancestors of the Turks in Central Asia and on the Uralic speaking population of the forest zone of Eurasia (during the development of the Sejma-Turbino archaeological phenomenon in the middle of the second millennium B.C.).